

Влияние принципа смежности на морфолого-синтаксическое оформление именных групп

Исакадзе Н.В.

Институт русского языка им. А.С.Пушкина

Принцип смежности, или непосредственного соположения, о котором пойдет речь в настоящей работе, играет большую роль, прежде всего, в генеративной грамматике и, с точки зрения Н.Хомского, является частью врожденной языковой способности человека. Для языков с так называемым «свободным» порядком слов принцип, гласящий, что для успешности многих синтаксических процессов необходимо, выражаясь неформально, непосредственное фонетическое соседство между теми или иными категориями, может показаться неактуальным. Однако представляется, что этот принцип заслуживает большего внимания и меньшего пренебрежения и с его помощью могут быть объяснены на первый взгляд абсолютно разнородные явления, что и демонстрируется в настоящем докладе на материале русского, английского, немецкого и скандинавских языков.

Формальные признаки и проверка признаков

Прежде чем говорить о принципе смежности, необходимо разобраться, для каких морфолого-синтаксических процессов он актуален. В Минималистской программе (последней версии генеративной грамматики) такие процессы называются проверкой (формальных) признаков.

Формальные признаки приблизительно соответствуют грамматическим категориям - таким как род, падеж, число, лицо, время и пр., причем под формальными признаками подразумеваются признаки абстрактные, а не морфологические.

Проверка признаков заключается в том, чтобы, поместив однородные признаки, приписанные двум (или более) синтаксическим объектам (например, признаки лица/числа подлежащего и глагола-сказуемого), в определенную структурную конфигурацию, проверить, чтобы значения этих признаков не конфликтовали (совпадали) друг с другом. Конфигурация, в которой должны оказаться два синтаксических объекта, обладающих общими признаками,

чтобы эти признаки были проверены, называется областью проверки. В случае, если какие-либо признаки остались непроверенными, они попадают в системы языкового употребления - речевой аппарат и общую когнитивную систему человека, где остаются не проинтерпретированными. Построение предложения в этом случае завершается неудачно, то есть получившаяся структура оказывается неграмматичной.

Проверку признаков позволяют осуществить операция Притягивание и операция Передвижение, состоящая из Притягивания и Объединения.

(1) 1. *Притягивание:*

Признак F (аттрактор) категории K притягивает к себе признак F', если F' - это ближайший признак в его области, который может вступить в отношение проверки с признаком F.

Передвижение:

2. Получившийся в результате признак FF' определяет составляющую а (кандидата для передвижения).
3. а присоединяется к категории K.

Признаки делятся на интерпретируемые и неинтерпретируемые. Первые приблизительно соответствуют номинативным грамматическим признакам в *Зализняк 1967*, а вторые - синтаксическим грамматическим признакам. (Согласно *Зализняк 1967*, номинативное значение признака непосредственно отражает ("называет") внеязыковую действительность, а синтаксическое значение отражает способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ). Интерпретируемые признаки проверяются логическим компонентом языка, а потому на уровне синтаксической структуры в проверке не нуждаются.

Независимо от первого деления признаки бывают ингерентными и опциональными. Первые, характеризующие всю парадигму данной лексемы, приблизительно соответствуют классифицирующим, а вторые - словоизменительным. (Согласно определениям, данным в *Зализняк 1967*, признак является классифицирующим для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммема данной грамматической категории, и словоизменительным, если встречается, соответственно, не менее двух разных граммем). Разделение признаков на ингерентные и опциональные релевантно, скорее, для морфологических, а не абстрактных признаков.

Функциональные категории в проекции именной группы

В настоящей работе я ограничусь рассмотрением структуры именной группы. В последних версиях генеративной грамматики в именной группе подразумевается существование некоторых позиций, которые заполняются так называемыми функциональными категориями («служебными словами»). Они несут референциальную нагрузку и служат актуализаторами денотативного статуса существительных. Самая верхняя категория (если представлять структуру именной группы в виде дерева непосредственных составляющих) – это Q, категория кванторов. Она имеет интерпретируемый (номинативный) признак, который можно

назвать партитивностью (универсальная квантификация тоже представляет собой частный случай партитивности, когда результирующее множество (множество, которое выбирается) и исходное множество (множество, из которого производится выбор) тождественны). К представителям этой категории относятся, прежде всего, универсальные местоимения, подобные *все*, или, например, кванторные частицы типа *ни-*. К этой категории близки также составляющие, обозначающие экзистенциальную квантификацию, и слова типа *много/мало, оба*.

Категория D (детерминатор) имеет интерпретируемый (номинативный) признак, который можно условно назвать [$\pm$ определенность]. Типичные представители этой категории - артикли. В некоторых языках, в частности в шведском или норвежском существительное может иметь морфологический признак [+определенность], то есть, определенный артикль выступает как часть слова. В таких языках категория D идентифицируется («выражается») притягиванием признака определенности существительного в D. Одушевленность как формальный признак – тоже свойство категории D.

Категория Num содержит формальный (абстрактный) интерпретируемый (номинативный) признак числа. Числительные могут рассматриваться как частный случай категории числа, то есть являются функциональной категорией и занимают позицию Num. Существительное (N) - лексическая вершина именной группы - в разных языках может обладать или не обладать морфологическим признаком числа. Морфологический признак числа существительных призван идентифицировать («выражать») категорию Num.

Определение понятия смежности

В качестве формального определения понятия смежности предлагается следующее, основанное на дереве непосредственных составляющих:

(2) Категории X и Y находятся в отношении смежности тогда и только тогда, когда:

а) первый ветвящийся вправо узел, расположенный в дереве непосредственных составляющих над X, является в то же время первым ветвящимся влево узлом, расположенным в дереве непосредственных составляющих над Y

1. б) $X=Y$.

Это определение можно дополнить еще одним пунктом, который неформально выражается как то, что если между двумя узлами вклинивается фонетически пустой узел, то он не нарушает отношения смежности. Формально это звучит так:

1. с) если X и Z находятся в отношении смежности, согласно пунктам а) или б), и Z и Y находятся в отношении смежности, согласно пунктам а) или б), и Z - фонетически пустой узел, то X и Y тоже находятся в отношении смежности.

Неформально, отношения смежности означают, что между данными двумя категориями не вклинивается никакая третья.

Рассмотрим гаэльский язык, где некоторые предлоги согласуются по определенности. Признак определенности у предлога неинтерпретируемый и в Ager 1998 предлагается считать, что он проверяет его по принципу смежности:

(3) le pheann vs. leis a' pheann

с ручкой vs. c_{def} опр.арт. ручкой

(4) Dh'fheuch mi ris [an teine a chur air dòigh].

Пытался я κ_{def} [опр.арт. огонь Agr зажечь хорошо]

'Я пытался разжечь огонь'.

(*ri* в (4) согласуется по определенности, даже несмотря на то, что именная группа не является его комплементом и передвинулась вверх из позиции прямого дополнения, расположенной ниже). Ср.:

(5) Dh'fheuch e ri(*s) eadhon am ban-rìgh a mharbhadh.

Пытался он $\kappa_{(*\text{def})}$ даже опр.арт. королева Agr убить

'Он пытался даже королеву убить'.

Мы можем говорить здесь о требовании категориальной смежности, непосредственного примыкания категориальных ярлыков (предлога P и детерминатора D).

Прилагательные, обладающие признаком [+определенность признака], и принцип смежности

Предположим, что некоторая категория нуждается в идентификации («выражении») или проверке признака. Пусть в ее области есть доступная категория, не находящаяся с ней в отношениях смежности, то есть отделенная от нее какой-либо фонетически не пустой составляющей, но обладающая признаком, способным либо проверить нужный признак, либо определить значение признака этой категории, либо идентифицировать («заменить», «выразить») эту категорию. Пусть также категория-цель, то есть, та категория, которая нуждается в притягивании совпадающего признака, имеет прототипическое материальное выражение. Тогда вторая категория может присоединяться к категории, находящейся непосредственно ниже первой, так чтобы между ней и категорией-целью устанавливались отношения смежности и в линейном порядке вторая категория следовала непосредственно за первой. Рассмотрим для примера следующие конструкции:

(6) the last two weeks / *the two last weeks

(7) the most beautiful two weeks / *the two most beautiful weeks

швед.: (8) den sista två gång-en / *den två sista gång-en

опр.арт. последние два раза-опр.арт. /*опр.арт. два последние раза-опр.арт.

Английские *last* и *most beautiful* и шведское *siste* обладают ингерентным интерпретируемым признаком [+определенность признака] (под определенностью признака подразумевается, что прилагательные, этим признаком обладающие, являются максимально рестриктивными). По категориальным соображениям такие прилагательные не могут идентифицировать

(«выразить») категорию D: они способны только установить ее значение: +определенная. В то же время эти категории порождаются ниже D и ниже Num, косвенным подтверждением чему могут служить славянские языки, например русский, где прилагательные типа *последние* и прилагательные в превосходной степени способны стоять после числительного, и при наличии числительного не находятся в отношении смежности с D. Тем не менее для удовлетворения требования смежности с категориями D они могут подниматься выше и стоять перед числительными, что обязательно для артиклевых языков.

Неопределенные и отрицательные местоимения и позиция кванторных частиц *ни-*, *не-*, *кое-*

Первое, что стоит отметить – по отношению к неопределенным и отрицательным местоимениям-существительным прилагательные могут находиться только в постпозиции:

(9) Это сделал кто-то неизвестный /*неизвестный кто-то.

(10) Стукни его чем-нибудь тяжелым /*тяжелым чем-нибудь!

(11) Have I said something wrong /*wrong something?

Такие местоимения являются, скорее, кванторами, чем детерминаторами, поэтому можно предположить, что они занимают позицию Q, то есть находятся в дереве непосредственно составляющих выше (левее) прилагательных. Но вставляются ли они непосредственно сразу в Q или притягиваются туда из какой-либо позиции, расположенной ниже (правее) в дереве составляющих? По-видимому, в разных языках дела обстоят по-разному.

Фактическую невозможность употребления более одного постпозитивного прилагательного с такими местоимениями (если прилагательные не выступают как однородные члены, связанные, как правило, союзом *и*) можно объяснить тем, что позиция N остается пустой, что означает, что прилагательное ситуативно субстантивируется. Такая субстантивация двух и более прилагательных невозможна без того, чтобы они не были однородными членами. (Ср.: *Его ударили чем-то тяжелым острым/ Его ударили чем-то тяжелым и острым). То, что позиция N фонетически пустая, явствует и из возможности предложений типа (12):

(12) Его ударили чем-то острым неправильной формы.

Далее, в русском языке проклитические кванторные частицы *ни-*, *не-* и *кое-* при наличии предлогов отделяются от местоимения и ставятся перед предлогами:

(13) ни с кем / не с кем/ кое с кем

В некоторых других славянских языках, например в чешском, порядок слов иной: предлог предшествует местоимению:

(14) v nic /v nicem ('ни во что/'ни в чем')

Можно предположить, что в чешском в противоположность русскому такие неопределенные и отрицательные местоимения представляют собой одну лексическую единицу и, вероятно, вставляются непосредственно в Q. (Впрочем, вполне допустимо, что такие местоимения

изначально порождаются ниже (скажем, в позиции N) и лишь затем притягиваются в Q для идентификации («замены», «выражения») этой категории.

В русском же изначально в Q вставляются только кванторные частицы *ни-, не-, кое-*, в то время как WH-слова порождаются в какой-то из нижних позиций. (Стоит отметить, что сочетания *ни* с WH-словами могут рассматриваться и как одна лексическая единица:

(15) Он мне никто / Он продал машину за ничто.

Здесь *никто/ничто* являются не кванторами, а существительными и вставляются в N).

Категории, приписывающие падеж, (в данном случае предлоги) стремятся к удовлетворению требования смежности с категориями, которые могут этот падеж проверить. Выражаясь неформально, это означает, что между предлогом и категорией, имеющей падежный признак, не должны вклиниваться другие категории. Вышеупомянутые кванторные частицы не обладают признаком падежа, поэтому в Q, образуя сложный комплекс N+Q, притягиваются WH-слова типа *что, кто* и пр. В результате получается порядок предлог-*кто/что-ни/не/кое*. Далее, данные кванторные частицы являются проклитиками. Для удовлетворения этого признака они не могут вклиниться между предлогом и WH-группой, поскольку нарушат требование смежности. Поэтому они могут вставляться только перед предлогом. Их сфера действия не меняется.

Подобным же образом можно объяснить и поведение адъюнктов к именной группе, подобных *даже, только, лишь*. Они не обладают морфологическим признаком падежа и, вставляясь между P и D, нарушают требование смежности. Поэтому они передислоцируются в предложную группу:

(16) даже к нему /*к даже нему; только к этим людям /*к только этим людям

Как и в случае с кванторными частицами, передвижение в более высокую позицию не приводит к негативным последствиям, сохраняя сферу действия.

Соблюдением принципа смежности можно объяснить и употребление аппроксимативных конструкций с предлогами. Такие предлоги требуют или проверки категориального признака Num (дистрибутивный *по*), или, подобно *около* и *до*, имеют ингерентный “сочетаемостный” признак точного количества, который способны проверить только числительные. Вклинивающееся между предлогом и числительным существительное нарушает требование смежности. По этой причине существительные передислоцируются в позицию перед предлогом.

Стоит заметить также, что в чешском языке неодушевленные неопределенные местоимения-существительные требуют от постпозитивных прилагательных родительного падежа, а одушевленные - именительного:

(17) Neco duležilého se otalo

нечто-3NS.NOM важного-3NS.GEN случилось-3NS

(18) Nekdo důležitý přišel

некто-3MS.NOM важный-3MS.NOM пришел-3MS

В этом смысле чешские местоимения *něco* ('нечто') и пр. ведут себя, как числительные. Объяснить подобное явление можно следующим образом. Формальный (то есть, абстрактный) признак одушевленности содержится в категории D, причем он

идентифицируется притягиванием ингерентного лексического признака существительного. Неодушевленность, в противоположность одушевленности, можно рассматривать как немаркированное значение, не нуждающееся в идентификации и проверке. Это означает, что местоимения типа *лесо* и в чешском представляют собой чисто функциональные элементы, вставляющиеся непосредственно в Q. В то время как одушевленные местоимения, подобные *nekdo* ('некто') и пр., содержат лексические признаки (помимо одушевленности это еще и мужской род) и вставляются сначала в N, где прилагательное согласуется с ними в числе/роде/падеже. И только после этого они перемещаются в позиции D и Q. Занимая позицию Q, местоимения *лесо* и пр., подобно кванторам типа *mnoho*, требуют от комплементарной именной группы партитива, который морфологически реализуется как генитив.

Кстати, в русском языке тоже допустимы аналогичные конструкции, но только с вопросительными местоимениями, которые в этих случаях можно рассматривать как вставляющиеся непосредственно в Q, а не в D:

(19) Что такого/??такое я сделал?

(20) Что нового/??новое произошло, пока я отсутствовал?

Сильные и слабые прилагательные в немецком языке

В немецком форма прилагательного (слабая, сильная или смешанная) зависит от морфологии детерминатора, занимающего позицию D. Можно предположить, что в немецком D требует смежности для проверки рода/числа. Таким образом, если D фонетически пусто, употребляется сильная форма прилагательного, имеющая морфологические признаки трех родов (мужского, женского и среднего) и двух чисел (единственного и множественного). Если позиция D занята категорией с сильной морфологией, в частности определенным артиклем (*der/die/das/die*), обладающим указанными выше морфологическими признаками (заметим, что требование смежности между X и Y включает и тот случай, когда X=Y), то прилагательное употребляется в слабой форме, фактически не различающей род, падеж и число (за исключением номинатива/аккузатива). Если в позиции D находятся, например, неопределенный артикль или притяжательное местоимение, морфологически не различающие в номинативе/аккузативе мужской и средний род единственного числа (*ein* - неопределенный артикль для мужского/среднего рода единственного числа, *eine* - для женского рода), то прилагательное употребляется в смешанной форме, то есть, в номинативе/аккузативе имеет сильные окончания. Сказанное выше можно проиллюстрировать следующими примерами для номинатива:

(21)	der gute Lehrer	die gute Mutter	das gute Buch
	хороший учитель (м.р.)	хорошая мать (ж.р.)	хорошая книга (ср.р.)

(22)	guter Lehrer	gute Mutter	gutes Buch
------	--------------	-------------	------------

(23)	mein gutes Lehrer	mein gute Mutter	mein gutes Buch
------	-------------------	------------------	-----------------

Пример (21) демонстрирует слабое склонение прилагательных, (22) - сильное и (23) - смешанное (в косвенных падежах оно совпадает со слабым). При отсутствии прилагательного отношение смежности наблюдается уже между D и N, что также дает возможность D проверить признаки рода/числа/падежа.

Требованием смежности может объяснить также факультативность сильного окончания у универсального местоимения *all(e)*:

(24) *all(e) die Kinder*

Как уже говорилось, универсальные местоимения вставляются в позицию Q. Между Q и D устанавливаются отношения смежности. D может "выбирать" между Q и N (или A, при наличии прилагательного). Выбор в пользу универсального местоимения означает, что D как бы инкорпорируется в Q, передавая ему свои признаки. В этом случае мы имеем сильную форму *alle*. Если D удовлетворяет свои признаки у прилегающей к ней нижней категории, то универсальное местоимение выступает в "нейтральной", немаркированной форме *all*, не являющейся ни сильной, ни слабой, ни смешанной.

Явление двойной определенности в некоторых скандинавских языках; употребление имен собственных с прилагательными

Выше говорилось, что постпозитивный определенный артикль в некоторых языках (например, в норвежском или шведском) может рассматриваться как часть слова. То есть, существительное имеет морфологический признак определенности, который притягивается в D для идентификации («выражения») формального признака определенности в D. Категории D для идентификации необходимо находиться в отношении смежности с категорией-донором, то есть в данном случае с существительным, маркированным "морфоартиклем". Если между категорией D и существительным вклиниваются какие-либо составляющие (например, прилагательные, числительные и пр.), то притягивание соответствующих признаков существительного оказывается недостаточным для идентификации D, поэтому в D вставляется второй, "плеонастический" артикль, представляющий собой материализацию притянутых морфологических признаков существительного. Этот феномен получил название двойной определенности. Двойная определенность с прилагательными, числительными и квантором *beda/e* ('оба'), когда употребляются как препозитивный, так и постпозитивный артикли, наблюдается, например, в шведском, норвежском и фарерском:

шведский/норвежский:

(25) a. *hus-et* b. *det gamla/gamle hus-et*
дом-опр.арт. опр.арт. старый дом-опр.арт.

Имена собственные, изначально занимающие позицию N, обладают ингерентным признаком [+определенность] и во многих языках способны «заменять» категорию D, употребляясь без артикля. Однако при наличии прилагательных артикль появляется:

(26) *the old John* /**old John*

(27) *der sympatiscche Johann* /**sympatiscche Johann*
опр.арт. симпатичный Йоханн

Это снова объясняется нарушением требования смежности между категориями D и N. Случаи (26) и (27) можно рассматривать аналогично конструкциям с двойной определенностью. Непосредственное передвижение из N в D привело бы к нежелательному порядку существительное-прилагательное. В то же время D и N больше не находятся в

отношениях смежности, а потому N не может идентифицировать («заменить») D и вставка артикля становится необходима.

Представленные в докладе факты довольно разнородны, но, надеюсь, они в достаточной мере демонстрируют актуальность такого понятия, как отношения смежности (фонетического соседства). Действием принципа смежности можно объяснить некоторые случаи «необычного» порядка слов и морфологическое оформление ряда конструкций.

Литература

Зализняк 1967 - Зализняк А.А., *Русское именное словоизменение*. Москва.

Ager 1998 – Ager, D., *Morphology to Syntax Interface*. Course of lectures for the Forth Central European Summer School on Generative Grammar, Debrecen, 1998.

Chomsky 1995 - Chomsky, N., *The Minimalist Program*. Cambridge (Mass.): MIT Press.

Chomsky 1998 - Chomsky, N., *Minimalist Inquiries: the Framework*. In print.

Longobardi 1994 - Longobardi, G., Reference and Proper Names: A Theory of N-movement in Syntax and Logical Form. *Linguistic Inquiry* 25: 609-665.